

**Дёмина
Олеся Александровна**

**Уголовно – правовое регулирование ответственности за
дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих
изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ): состояние и перспективы
совершенствования**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

***Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата юридических наук***

Диссертация выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ
Прохоров Леонид Александрович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Дьяченко Анатолий Петрович

кандидат юридических наук, доцент
Дворецкий Михаил Юрьевич

Ведущая организация: Саратовский юридический институт МВД РФ

Защита диссертации состоится «   » 2009 года в «   » часов на заседании диссертационного совета Д-212.239.01 в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 104, ауд. 102.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Саратовской государственной академии права

Автореферат разослан «___» _____ 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

В. Д. Холоденко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В последнее время вопросам совершенствования деятельности исправительной системы в России уделяется большое внимание. Это обусловлено сложной криминальной ситуацией, сложившейся в исправительных учреждениях. В 2002-2007 годах в России прокатилась волна опасных акций в исправительных учреждениях, в которых принимали участие сотни осужденных, что представляет повышенную общественную опасность. В содержании общественной опасности этого вида насильственной преступности выделены два важнейших аспекта. *Первый* связан с количественно-качественными показателями посягательств (динамика, структура), направленных на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Изучение количественных показателей динамики и структуры исследуемого вида преступлений в масштабе России показало, что за время действия ст. 321 УК РФ количество преступлений возросло почти в 4 раза, аналогичная тенденция характерна и для числа лиц, совершивших эти преступления. В структуре данного вида преступлений в 1999, 2002 2006-2008г.г. был значительный рост групповых посягательств, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Только в 2005 году было зарегистрировано 8 акций неповиновения, сопровождавшихся избиением сотрудников, захватом заложников, уничтожением или повреждением имущества.

Второй аспект общественной опасности включает социальные, политические характеристики и восприятие этих преступлений в общественном сознании. Их общественная опасность predetermined не только количественно-качественными показателями, но и угрозами, исходящими от этого вида преступлений, угрозами, исходящими от большой массы осужденных, как правило, всегда сориентированных на конфликт и между собой, и с персоналом учреждения. Преступления, совершаемые в системе исправительных учреждений, всегда получают широкий общественный резонанс, являются объектом обсуждения российскими и международными правозащитными организациями, нередко придающими им политическую окраску.

Как показало исследование, криминальная ситуация в сфере исполнения наказаний остается напряженной. Однако эффективность использования уголовно-правовых средств в борьбе с данным видом преступлений явно не-

достаточна. Прежде всего, это проявляется в недостатках законодательного описания составов, включенных в статью 321 УК РФ, определении их места в системе Особенной части уголовного законодательства. Этот подход законодателя вызывает справедливую критику и представителей теории уголовного права, и судебной практики. Так, в настоящее время в науке идут дискуссии о целесообразности реконструкции и определения места расположения ст.321 УК РФ в структуре уголовного законодательства. Наряду с традиционным подходом, представители которого относят ст.321 УК РФ к преступлениям против порядка управления, высказано мнение о целесообразности помещения данной нормы в главу 31 УК РФ – «Преступления против правосудия» (В.С. Ишигеев). Данное мнение основано на содержании непосредственного объекта, которым являются отношения, регулирующие исполнение наказания в виде лишения свободы по приговору суда, то есть фактически данное деяние посягает на отношения, регулирующие правосудие. Заслуживает внимания и точка зрения ученых, обосновывающих необходимость выделения данных составов преступлений в отдельные статьи с учетом правового статуса субъектов пенитенциарной деятельности, то есть деяния, предусмотренные ч.1 и ч.2 ст.321 УК РФ предлагается выделить в самостоятельные нормы уголовного закона: ст.314¹ УК РФ – «Применение насилия в отношении работника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы» и ст.314² УК РФ – «Воспрепятствование исправлению осужденного» (А. А. Примак, Ю. Власов).

Не способствует эффективности исследуемых норм отсутствие четкого законодательного закрепления круга лиц, входящих в понятие «администрация исправительного учреждения». Действующее уголовное законодательство ставит в неравное положение две категории потерпевших: сотрудников мест лишения свободы и вольнонаемный состав, хотя они также способствуют достижению целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемам уголовной ответственности за преступления, совершаемые против порядка исполнения уголовного наказания, профилактики пенитенциарной преступности были посвящены исследования А. В. Абаджяна, А. О. Буянова, Д. Б. Вальяно, Ю. Власова, А. И. Друзина, М. Ф. Еремкина, В. С. Ишигеева, И. В. Кернаджука, М. Ф. Костюка, С. В. Назарова, И. Г. Прасолова, А. А. Примака, О. Н. Румянцева, К. Ш. Садреева и др. Однако в работах названных авторов

основной акцент был сделан на вопросах криминологической характеристики и проблемах профилактики исследуемых преступлений. Статья 321 УК РФ, как правило, не подвергалась детальному изучению, а в некоторых работах авторы осуществляли позитивный ее анализ. Новую редакцию всех трех частей данной статьи предложил в 2001 году Д. Б. Вальяно, сформулировав составы, связанные с созданием устойчивых групп, имеющих цель терроризирования осужденных, вставших на путь исправления, и нападения на администрацию.

Целью настоящего диссертационного исследования является основанная на анализе теоретических положений, судебной практики разработка рекомендаций по совершенствованию отечественного уголовного законодательства об ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих достижение целей наказания, а также выработка рекомендаций работникам следственных и судебных органов по квалификации названных преступных посягательств.

Цели исследования обусловили постановку и, соответственно, пути решения следующих **задач**:

- определить тенденции количественно-качественных показателей структуры и динамики исследуемых преступлений на основе изучения статистических данных в масштабе Российской Федерации;
- на основе анализа элементов состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, выявить пробелы и противоречия в законодательном регулировании, а также в практическом и теоретическом толковании диспозиции этого состава;
- для оценки различных подходов к пониманию перспектив совершенствования уголовно-правовой регламентации ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, изучить научные разработки отмеченной проблемы;
- выявить тенденции судебной практики по применению рассматриваемого состава преступления, определению круга потерпевших в составе преступления, сформулированного в ч. 2 ст. 321 УК РФ.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при применении уголовно-правовой нормы об ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих достижение целей наказания (изоляцию от общества).

Предмет диссертационного исследования включает в себя понятие и содержание дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; теоретические и правоприменительные проблемы, возникающие при характеристике состава в рамках ст.321 УК РФ, в частности, теоретическую трактовку в уголовно-правовой науке и судебной практике понятий «дезорганизация», «место лишения свободы», «место содержания под стражей», их различия; а также понятий «сотрудник мест лишения свободы», «терроризирование осужденных». Предметом исследования явились также уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ, Федеральные законы и нормативно-правовые акты Федеральной службы исполнения наказания, регулирующие деятельность уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, а также состояние и тенденции правоприменительной практики в этой области (официальная статистика по России и Краснодарскому краю, вступившие в законную силу приговоры судов различных регионов).

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные методы познания (индукции, дедукции); в качестве частных научных методов использованы сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, системный, социологический, контент-анализ публикаций в СМИ и математические методы исследования (типологические группировки, динамические ряды).

Нормативную базу диссертационного исследования образуют: российское уголовное законодательство от 1917 до 2008 года, в том числе Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960, 1996 г., Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных Республик 1924 г., Основы уголовного законодательства СССР и Союзных Республик 1958 г., Федеральные законы: «Об исполнительном производстве» № 229-ФЗ от 2 октября 2007 г., «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» № 76-ФЗ -2008 г., «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» № 103-ФЗ от 15 июля 1995 г. с последующими изменениями и др., а также ряд постановлений Правительства РФ, приказов Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний РФ.

Общетеоретическую базу диссертационного исследования составили труды ведущих специалистов в области уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права, в которых в том либо ином аспекте рассматривались вопросы ответственности за преступления против порядка исполнения уголовных наказаний: Ю.М. Антоняна, Я.М. Брайнина, Л.Д. Гаухмана, А. С. Горелика, А.И. Долговой, А. П. Дьяченко, Э. О. Жевлакова, Б.В. Здравомыслова, А.Н. Игнатова, И. Я. Козаченко, В. С. Комисарова, Н.И. Коржанского, Н. М. Коркунова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Б. А. Куринова, Л. В. Лобановой, С. В. Максимова, В.В. Мальцева, В. Д. Меньшагина, Б.С. Никифорова, А.В. Наумова, Г. П. Новоселова, А.А. Пионтковского, А.И. Рарога, Ф. Р. Сундунова, Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина, Франца Фон-Листа, Е.А. Фролова, Р. Д. Шарапова и других.

Теоретическим проблемам уголовной ответственности за преступления, направленные на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, а равно иных преступлений против порядка исполнения решений суда, предупреждению пенитенциарной преступности посвящены диссертационные исследования: А. И. Друзина, В.С. Ишигеева, И. В. Кернаджука, В. В. Кима, С. В. Назарова, И. Г. Прасолова, А. А. Примака, О. Н. Румянцева, К. Ш. Сандреева и др. Основные выводы и положения трудов указанных ученых учтены при рассмотрении общетеоретических вопросов, связанных с характеристикой состава преступления и построением санкций предлагаемых в диссертации уголовно-правовых норм.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют статистические данные о количественно-качественных показателях исследуемой группы преступлений по России, опубликованная практика Верховного Суда РФ, а также результаты выборочного изучения по специальной программе вступивших в законную силу приговоров по делам о дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в отношении 104 осужденных, рассмотренных Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, судами Краснодарского, Пермского, Приморского, Ставропольского краев, Республик, Бурятия, Карелия, Ивановской, Калининградской, Курской, Мурманской, Ростовской, Саратовской, Сахалинской, Ульяновской областей.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечены привлечением широкого круга нормативно-правовых

источников и теоретических работ; статистических данных; значительной по территориальному масштабу и количеству изученных уголовных дел судебной практики, что свидетельствует о репрезентативности осуществленной выборки.

Научная новизна диссертационного исследования предопределяется тем, что в настоящем монографическом исследовании на основе результатов комплексного исследования российского законодательства в его историческом развитии, судебной практики и теоретических работ автором предложен новый подход к формированию системы уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления против порядка исполнения наказания. В целях обеспечения согласованности норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства обосновано предложение о включении новой главы 31¹ УК РФ «Преступления против порядка исполнения уголовного наказания», в которую войдут, прежде всего, действующие статьи УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления против порядка исполнения наказания, а также 3 статьи в авторской редакции: ст. 316¹ УК «Посягательство на жизнь лица в связи с исполнением им обязанностей по реализации судебных решений», ст. 316² УК «Применение насилия в отношении персонала всех учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», ст. 316³ УК «Применение насилия в отношении осужденных, вставших на путь исправления». Сформулированы конкретные рекомендации по дифференциации ответственности за эти преступления, осуществляемой в зависимости от степени опасности применяемого виновным насилия и соответствующих квалифицирующих признаков. Отличаются новизной предложенное понятие потерпевшего в составе дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; и иные выводы, нашедшие отражение в выносимых на защиту положениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общественная опасность преступлений, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, предопределена не только количественно-качественными показателями структуры, динамики исследуемой группы преступлений в масштабе России, но и угрозами, исходящими от этого вида преступлений, угрозами, исходящими от большой массы осужденных. Поэтому при определении направлений борьбы с ними необходимо учитывать их социальные, политические характеристики и восприятие этих преступлений в общественном сознании.

2. Вывод о нестабильности подхода законодателя к регламентации ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, осуществляющих изоляцию от общества. С 1962 по 2003 г.г. в законодательном процессе по дифференциации ответственности за эти преступления (ст. 77¹ УК РСФСР – ст. 321 УК РФ) можно выделить 5 этапов. В законодательной характеристике состава менялся объект преступления и содержание объективной стороны, при дифференциации уголовной ответственности не в полной мере учитывались криминологические показатели данной группы преступлений, а также особенности квалифицирующих признаков.

3. Вывод о том, что законодатель в определенной степени проигнорировал сложившийся в российской уголовно-правовой науке концептуальный подход к пониманию объекта состава преступления, направленного против нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества по решению суда, его роли в определении характера общественной опасности различного вида преступлений и, соответственно, в построении системы уголовного законодательства. Это требует внесения необходимых корректив и в законодательное описание составов преступлений, предусмотренных ст. 321 УК РФ, и в дифференциацию уголовной ответственности за их совершение.

4. Обоснованное предложение о включении в понятие «сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей» тех *лиц из числа вольнонаемного состава*, чьи обязанности связаны с охраной, обеспечением режима содержания осужденных, медицинским обслуживанием, трудовым использованием, воспитанием и обучением. В настоящее время это является особо актуальным, поэтому целесообразно закрепить данное предложение в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном толкованию ст. 321 УК РФ.

5. Предложение о целесообразности исключения из числа потерпевших в рамках исследуемого состава преступления *осужденных*, против которых применяется насилие из мести за исправление или оказание помощи администрации исправительного учреждения, и предусмотреть самостоятельную норму, устанавливающую ответственность за применение к ним насилия.

6. В целях обеспечения согласованности норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства обосновано предложение о включении новой главы 31¹ УК РФ «Преступления против порядка исполнения уголовного наказания», в которую войдут, прежде всего, ст. 312 УК РФ «Незакон-

ные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи», ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания лишения свободы», ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». В данную главу включить сформулированные автором статьи, регламентирующие ответственность: а) за посягательство на жизнь лица в связи с исполнением им обязанностей по реализации судебных решений (ст. 316¹ УК); б) за применение насилия в отношении персонала всех учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (ст. 316² УК); в) за применение насилия в отношении осужденных, вставших на путь исправления (ст. 316³ УК).

7. Рекомендации законодателю о необходимости учета при создании квалифицированных составов и построении санкции *предусмотренных законом видов вреда здоровью*: а) причинение легкого вреда здоровью; б) причинение вреда здоровью средней тяжести; в) причинение тяжкого вреда здоровью (этот состав охватывает и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего).

8. С учетом изложенных выше положений предложены следующие редакции *названия* ст. 316¹, ст. 316², 316³ УК РФ и содержания *диспозиций* всех частей, а также пределы санкций предусмотренных в них уголовно-правовых норм:

Статья 316¹. Посягательство на жизнь лица, осуществляющего исполнение уголовного наказания

Посягательство, то есть убийство, а равно покушение на убийство судебного пристава-исполнителя, сотрудника уголовно-исполнительной инспекции; сотрудника исправительного центра или арестного дома, представителя персонала исправительного учреждения, обеспечивающего исполнение наказания в виде лишения свободы, а равно их близких в связи с исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершённое в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, -

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Статья 316². Угроза или насильственные действия в отношении лица, осуществляющего исполнение уголовного наказания

1. Угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью, нанесение побоев, а равно умышленное причинение легкого вреда здоровью судебному приставу-исполнителю, сотруднику уголовно-исполнительной инспекции, исправительного центра или арестного дома, представителю персонала исправительного учреждения, обеспечивающего исполнение наказания в виде лишения свободы, а равно их близким в связи с исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, совершённое в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, -

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

2. Умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести лицам, указанным в части первой настоящей статьи, совершённое в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, -

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

3. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью лицам, указанным в части первой настоящей статьи, совершённое в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц либо из мести за такую деятельность, -

наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно сопряженные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью в отношении двух или более лиц, либо повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего -

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Статья 316³. Угроза или насильственные действия в отношении осужденного, вставшего на путь исправления

1. Угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью в отношении осужденного, нанесение побоев, а равно умышленное причинение легкого вреда здоровью с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, -

наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

2. Умышленное причинение осужденному вреда здоровью средней тяжести с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное

им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы,-

наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

3. Умышленное причинение осужденному тяжкого вреда здоровью с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы,-

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей настоящей статьи, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а равно сопряженные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью в отношении двух или более лиц, либо повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего,-

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные и обоснованные в ней выводы и положения являются определенным вкладом в развитие теории отечественного уголовного права и криминологии. Они могут быть учтены при дальнейшей разработке проблем уголовно-правового регулирования ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Практическое значение имеют разработанные автором предложения, которые могут быть использованы законодателем в право-творческой деятельности в процессе формирования системы уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против порядка исполнения уголовных наказаний. Содержащиеся в работе рекомендации по квалификации исследуемых преступлений могут быть использованы в судебной практике, а также в учебном процессе при преподавании курса Особенной части российского уголовного права и криминологии.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные теоретические положения, обоснованные выводы и предложения законодателю по корректированию соответствующих норм Уголовного кодекса РФ, рекомендации для судебной практики по вопросам квалификации преступлений против порядка исполнения уголовных наказаний, содержащиеся в работе, изложены в 5 научных статьях автора, две из них в изданиях, включенных в список ВАК, а также в процессе профессиональной

деятельности в качестве помощника судьи Краснодарского краевого суда и секретаря суда секретариата Президиума Верховного Суда РФ; обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета; представлялись на международной научно-практической конференции (г. Саратов, 7 декабря 2007 г.).

Структура диссертации predetermined целями, задачами, объектом и предметом исследования и включает в себя следующие взаимосвязанные элементы: введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список использованной литературы, приложение.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** автор обосновывает выбор темы диссертационного исследования, раскрывая её актуальность и степень разработанности в теории; характеризует объект и предмет исследования; определяет цели и задачи исследования, его методологическую, теоретическую и эмпирическую базы; научную новизну, формулирует основные положения, выносимые на защиту; подчеркивает теоретическую и практическую значимость диссертации.

Первая глава **«Уголовная ответственность за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: историко-правовой анализ и криминологическая обусловленность»** включает два параграфа. В первом *«Развитие уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на сотрудников исправительной (пенитенциарной) системы, в законодательстве России»* прослеживается развитие уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на сотрудников исправительной (пенитенциарной) системы в законодательстве России. Итоги проведенного сравнительного анализа позволили сформулировать следующие основные выводы:

- обеспечению процесса исполнения уголовного наказания до 1962 года были посвящены несколько статей главы «Преступления против правосудия». Среди преступлений данной группы отдельно не выделялись посягательства на сотрудников уголовно-исправительных учреждений, они были растворены в соответствующих статьях системы преступлений против порядка управления;

- система уголовно-правовых норм в УК РСФСР, регламентирующих ответственность за преступления, направленные против порядка исполнения уголовного наказания, была дополнена в 1962 году ст. 77¹ УК;

- на отдельных этапах развития социалистической государственности законодатель различно определял содержание объекта исследуемого преступления: а) порядок управления, б) основы государственного управления;

- ужесточается ответственность за посягательства на нормальную деятельность учреждений, исполняющих уголовное наказание, вплоть до высшей меры – смертной казни.

Дальнейшие коррективы в регулирование ответственности за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений были внесены при разработке Уголовного кодекса РФ в 1996 г. Изменения коснулись не только характера объекта, была реконструирована объективная сторона, уточнен субъект преступления, включены квалифицированные составы, что предопределило и подходы к дифференциации уголовной ответственности за данные преступления. Декриминализация коснулась таких составов преступлений, направленных против порядка исполнения уголовного наказания, как организация преступных группировок отрицательной направленности, совершающих нападения на администрацию либо терроризирующих осужденных, вставших на путь исправления, а равно активное в них участие (ст.77¹ УК РСФСР). Преступными в соответствии со специальными нормами главы 32 УК РФ сегодня признаются только деяния, связанные с применением насилия, угрозой его применения (ст.321 УК РФ) к сотрудникам пенитенциарных учреждений (их близким) и публичными оскорблениями представителей власти (ст.319 УК РФ). Таким образом, диапазон уголовно-правовых средств воздействия на осужденных, арестованных стал значительно уже.

В работе отмечено, что законодатель большинства стран, образованных на территориях бывших Союзных республик, предпочел иной подход к регламентации ответственности за рассматриваемые преступления. Например, в УК Республики Беларусь состав преступления «Действия, дезорганизующие работу мест лишения свободы» (ст. 410 УК) включены в главу 34 «Преступления против правосудия», наряду с другими посягательствами против порядка исполнения наказания (ст. ст. 409-423 УК). Аналогичным образом поступил и законодатель Украины, установив в ст.ст. 389-395 УК уголовную ответственность за посягательства против порядка исполнения наказания, в том числе за «действия, дезорганизующие работу исправительных учрежде-

ний (ст. 392 УК). Обращают на себя две особенности законодательного подхода к формулированию составов в названных уголовных кодексах: а) объективная сторона включает терроризирование осужденных и нападение на администрацию; б) *законодатель избежал термина «изоляция от общества».*

Во втором параграфе *«Социально-криминологическая характеристика преступлений, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»* на основе анализа судебной практики составлена социально-криминологическая характеристика данного вида преступлений. Отмечено, что современная криминальная ситуация в России осложнена значительным ростом насильственной преступности, проявляемой в различных формах: от традиционных преступлений против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности личности до террористических актов, экстремизма, геноцида. К этой группе преступлений следует отнести и преступления, направленные на дезорганизацию деятельности исправительных учреждений (ст.321 УК РФ). Особая опасность названных преступлений предопределена спецификой деятельности пенитенциарных учреждений, обеспечивающих реализацию обвинительного приговора суда, и, в конечном итоге, достижение таких целей уголовного наказания, как исправление осуждённых и предупреждение совершения ими новых преступлений. Цели уголовного наказания, определённые в ст.43 УК РФ, трансформируются в целях деятельности всей пенитенциарной системы.

В содержании общественной опасности этого вида насильственной преступности автор выделяет два аспекта. *Первый аспект* содержания общественной опасности посягательств, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, ее оценки связан с их объективной количественно-качественной характеристикой. Эта информация необходима для совершенствования норм, содержащихся в ст. 321 УК РФ, внесения необходимых корректив в их редакцию, а также для построения системы профилактики (предупреждения) этого вида преступлений. Для получения такой информации изучены количественно-качественные показатели динамики, структуры исследуемых посягательств за 10 лет по Российской Федерации (1997-2006 г.г. На основе полученных данных нами построен базовый динамический ряд, представленный в специальной таблице.

Таблица количественных показателей динамики преступлений, связанных с дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), в период 1997-2006 гг.¹

Годы	Зарегистрировано преступлений в отчётном году	Темпы роста в %	Выявлено лиц, совершивших преступления
1997	96	100	116
1998	115	120	122
1999	93	97	146
2000	126	131	139
2001	122	127	140
2002	109	113	142
2003	148	154	145
2004	196	204	214
2005	265	276	271
2006	382	392	443

Из таблицы видно, что за 10 лет количество преступлений возросло на 392 %, а число лиц, совершивших эти преступления, увеличилось на 383,6 %. При сравнении показателей количества преступлений, совершенных в соответствующие годы, и лиц, осужденных за их совершение, сделан вывод, что в 1999 и 2002 г.г. был рост групповых посягательств, направленных на дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Второй аспект общественной опасности данных преступлений связан с социальными, политическими характеристиками и восприятием их в общественном сознании, т. е. сложность криминальной обстановки детерминируется не только ростом преступности, но и изменением характера совершаемых преступлений. Так, в 2005-2007 годы по России прокатилась волна опасных акций, совершенных осужденными в исправительных учреждениях. Сотрудникам исправительных учреждений приходится выполнять свои обязанности в постоянно экстремальной ситуации, в состоянии противодействия со стороны осужденных. В результате возникают чрезвычайные ситуации,

¹ Форма № 10-а Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

выливающиеся в бунты, массовые беспорядки. Следовательно, их общественная опасность predetermined также *«угрозами, исходящими от этого вида преступлений»*, угрозами, исходящими от огромной массы осужденных, всегда сориентированных на конфликт и между собой, и с персоналом учреждения. В работе подчеркнуто, что преступления, совершаемые в системе исправительных учреждений, всегда получают широкий общественный резонанс, являются объектом обсуждения российскими и международными правозащитными организациями. Отмеченные обстоятельства и определяют *второй аспект общественной опасности* преступлений, дезорганизирующих нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Все это требует постоянного внимания к проблемам предупреждения исследуемого вида преступлений как криминологическими, так и уголовно-правовыми средствами.

Вторая глава **«Уголовно-правовая характеристика состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: правовые и теоретические предпосылки совершенствования»** состоит из 4 параграфов. Первый *«Содержание объекта в составе дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»* посвящен раскрытию понятия объекта в исследуемом составе. При рассмотрении общего концептуального подхода к конструированию данного состава и определению его места в системе Особенной части действующего уголовного законодательства в основу положен основной критерий – *объект состава преступления* и путем сравнительного анализа рассмотрены особенности объектов (интересов), которым причиняется вред действиями осужденных, предусмотренными ст. 321 УК РФ. Автор отмечает, что, *по мнению законодателя*, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, относится к группе преступлений, характеризующихся различными формами противодействия субъектам управленческой деятельности по осуществлению их функций. Поэтому *основным непосредственным объектом* рассматриваемого преступления должна быть признана нормальная деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. *Дополнительным объектом*, когда преступление против порядка управления связано с посягательством на личность сотрудников государственного (общественного) аппарата или их близких, могут быть жизнь, здоровье, честь, достоинство, безопасность личности, здоровье лиц, отбывающих наказание, поведение которых ориентировано на социальную адаптацию, а также

сотрудников мест лишения свободы и их близких. Именно от деятельности персонала исправительных учреждений во многом зависит достижение целей уголовного наказания и, прежде всего, исправление осужденных. В работе также отмечено, что *общественная опасность данного преступления* заключается не только в нарушении нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, что препятствует реализации целей наказания, но и в том, что нарушается безопасность *сотрудников* соответствующих учреждений и, в равной степени, *осужденных*, отбывающих наказание в виде лишения свободы и вставших на путь исправления.

Такой подход к пониманию структуры объекта преступления вполне соответствует *своеобразию* исследуемого состава, сконструированного в ст. 321 УК РФ. Первая особенность заключается в том, что это преступление можно признать *пусть и специфическим, но продолжением группы преступлений против правосудия*. С учетом приведенной характеристики преступлений против порядка управления сделан вывод, что *исправительные учреждения* не просто звено управленческого аппарата, они *реализуют, проводят в жизнь соответствующее судебное решение*. Причем таким образом, чтобы достичь определенные законом цели уголовного наказания.

При формулировании понятия объекта преступления автор отмечает, что в его содержание входят, прежде всего, *отношения, складывающиеся в сфере исполнения наказания (исполнительного производства)*, причем не только связанного с лишением свободы. Законодатель включает в содержание исследуемого состава преступления применение насилия или угрозу применения насилия к осужденному за оказание им содействия администрации учреждения *или органа уголовно-исполнительной системы*. Что имел в виду законодатель, говоря об *администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы*. Ведь, по сути, получается, что при применении данной нормы необходимо руководствоваться правилами ограничительного толкования, исключать значительную часть учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В эту группу попадают учреждения и органы, исполняющие наказания, не связанные с лишением свободы. И соответственно, в ч. 2 ст. 321 УК РФ законодатель предусмотрел ответственность только за посягательства на сотрудников места лишения свободы или места содержания под стражей. Из сферы действия данной нормы исключены сотрудники других учреждений или органов уголовно-исполнительной системы. Подобный подход не только нелогичен, но и нарушает важнейший принцип равной

охраны прав, здоровья лиц, по роду деятельности обязанных обеспечить должную реализацию судебного решения (приговора). Это обстоятельство подтверждает необходимость обеспечить равную охрану всех лиц, принимающих участие в исполнении уголовного наказания.

Анализ различных подходов к определению объекта преступлений, направленных против порядка исполнения уголовного наказания, месту этих преступлений в системе Особенной части уголовного законодательства РФ, позволил автору сделать следующие выводы:

- при формулировании понятия объекта состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, целесообразно исходить из основных интересов, охраняемых уголовным законом (ст. 321 УК РФ). В работе отмечено, что это будут *отношения, складывающиеся в сфере исполнения наказания (исполнительного производства)*, причем не только связанного с лишением свободы. Законодатель включает в содержание исследуемого состава преступления применение насилия или угрозу применения насилия к осужденному за оказание им содействия администрации учреждения *или органа уголовно-исполнительной системы*; (судебный пристав-исполнитель - ч. 1 ст. 16 УИК; администрация организации, в которой работает осужденный - ч. 2 ст. 16 УИК);

- в России сложилась напряженная ситуация в области исполнения судебных решений. Так, если в 2000 году на территории РФ был зарегистрирован 461 случай неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта, то в 2007 году уже 4100, то есть рост почти в 9 раз. Сложившаяся ситуация обусловила практическую необходимость принятия Федерального закона «Об исполнительном производстве» (2007 г.), в соответствии с которым внесены изменения во многие законы Российской Федерации, регламентирующие участие различных государственных органов в принудительном исполнении судебных актов;

- решение задач, определенных данным законом, предполагает огромный объем работы для судебных приставов - исполнителей по принудительному исполнению судебных актов, протекающему всегда в экстремальной ситуации. В связи с этим актуализируется проблема защиты данной категории лиц от преступных посягательств. Следовательно, имеются достаточные основания предположить о наличии самостоятельной группы преступлений, призванных охранять от посягательств те общественные отношения, которые

складываются в сфере исполнения судебных актов, т.е. в сфере исполнительного производства.

С учетом изложенного, автор полагает целесообразным предусмотреть в системе уголовного законодательства новую самостоятельную главу 31¹ УК РФ «Преступления против порядка исполнения уголовного наказания», в которой сгруппировать преступления, направленные против порядка исполнения уголовного наказания.

Второй параграф *«Понятие потерпевшего в составе дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (дискуссионные аспекты)»* посвящен рассмотрению дискуссионных вопросов о круге потерпевших в данном составе. Автор подчеркивает, что отличие состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от преступлений против порядка управления проявляется и в *характеристике следующего компонента объекта – потерпевшего*. При формулировании составов преступлений, сконструированных в ст. 321 УК РФ, учтены две категории потенциальных потерпевших: а) сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей; в) осужденный. Именно они включены в сферу охранительного действия названных уголовно-правовых норм. Проведенное изучение практики показало, что 93 % потерпевших являлись сотрудниками исправительных учреждений, а 7 % осужденные. В работе отмечено, что законодатель необоснованно выпустил из виду третью категорию потенциальных потерпевших - вольнонаемных сотрудников отмеченных учреждений или органов пенитенциарной системы. Это привело к тому, что при равных сложных и опасных условиях выполнения ими служебных обязанностей степень их защищенности различна. Поэтому правомерен вывод о том, что должный уровень правовой защиты необходимо иметь всем, кто на постоянной основе либо систематически работает с осужденными. Это предполагает и равную их правовую защищенность. Гражданский персонал учреждений уголовно-исполнительной системы за последние годы значительно пополнился преподавательским составом сменных школ и профессиональных училищ. В настоящее время в этом поле появляется все больше новых лиц, включая священнослужителей. Они активно участвуют в воспитательном процессе, направленном на исправление осужденных, формирование и закрепление у последних правопослушного поведения. В то же время они сотрудниками учреждений не являются и поэтому не находятся под защитой данной уголовно-правовой нормы.

Подводя итоги рассмотрения дискуссионных подходов к определению потерпевшего в составах преступлений, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, автор отмечает следующие моменты: а) законодатель при создании данных норм несколько отклонился от некоторых важнейших правил законодательной техники – максимальной унификации норм права, обеспечение соответствия используемых терминов и формулировок при нормативном описании родственных составов преступления, а также некоторые расхождения с положениями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации; б) нарушен концептуальный подход к построению системы Особенной части Уголовного кодекса, когда в одной статье объединены качественно отличные общественно опасные посягательства. По сути, в ст. 321 УК РФ уравниены по степени уголовно-правовой охраны и отбывающие наказание преступники, и государственные служащие, выполняющие свой непростой служебный долг перед государством, обществом. Поэтому сохранение в действующем УК РФ ответственности за применение насилия в отношении персонала ИУ и осужденных в одной норме противоречит правилам юридической техники, поскольку при этом происходит посягательство на разные объекты деяниями, указанными в названии статьи и диспозиции; в) с учетом результатов сравнительного анализа законодательной интерпретации исследуемого состава в различные периоды, теоретических взглядов и судебной практики, посвященной рассмотрению исследуемых преступлений, обосновано предложение включать в понятие «сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей» кроме аттестованных представителей персонала тех *лиц из числа вольнонаемного состава, чьи обязанности связаны с охраной, обеспечением режима содержания осужденных, медицинским обслуживанием, трудовым использованием и питанием*; г) согласно ст. 16 УИК РФ и ст. ст. 5 и 6 Федерального закона «Об исполнительном производстве» к ним следует отнести следующие категории: сотрудников Федеральной службы судебных приставов и, прежде всего, судебных приставов-исполнителей; сотрудников уголовно-исполнительных инспекций; сотрудники исправительных центров и арестных домов. Поэтому автор считает целесообразным изложить это в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном толкованию ст. 321 УК РФ.

В третьем параграфе «Особенности конструирования объективной стороны состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечиваю-

щих изоляцию от общества» при анализе данного состава обращено внимание на определенную некорректность названия ст. 321 УК РФ. Дело в том, что важнейшее направление деятельности исправительных учреждений не изолировать осужденного от общества, а наоборот, сделать все необходимое, чтобы не оторвать его от общественной жизни, вернуть осужденного в общество исправленным, адаптированным к нормальным условиям жизни. Решению этих задач должна была служить Федеральная целевая программа «Реформирование уголовно-исполнительной системы Минюста РФ на 2002-2005 г.г.», утвержденная постановлением Правительства РФ № 636 от 29.08.2001 года. Этот документ предусматривал расширение прав осужденных и лиц, содержащихся под стражей, либерализацию условий содержания арестованных и отбывающих наказание. Он был ориентирован на максимальное приведение условий и порядка отбывания наказания и обращения с осужденными в соответствие с Европейскими пенитенциарными правилами и другими международными правовыми актами. Более того, Государственной Думой 10 июня 2008 года принят Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» №76-ФЗ. Законодатель, говоря о «местах принудительного содержания», не использует такой оборот как *изоляция от общества*.

С учетом отмеченного, высказано мнению, что наиболее соответствующей современным требованиям общества, политически выдержанной будет формулировка – *учреждение, обеспечивающее исполнение наказания в виде лишения свободы*. Это предложение вполне совпадает с мнением законодателя, который, раскрывая понятие места принудительного содержания, говорит и об учреждениях уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

При характеристике структуры ст. 321 УК РФ выделены два важных момента. Во-первых, законодатель сформулировал два основных состава преступления: а) в ч. 1 ст. 321 УК речь идет о посягательстве на осужденных, вставших на путь исправления или оказавших содействие администрации учреждения в поддержании порядка; б) в ч. 2 ст. 321 УК установлена ответственность за посягательство на сотрудника места лишения свободы или его близких. Во-вторых, диспозиция ч. 1 и ч. 2 ст. 321 УК предусматривает два альтернативных действия: а) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего; б) угроза применения насилия. При изучении

уголовных дел, возбужденных по ст. 321 УК РФ, автором устанавливались следующие признаки объективной стороны состава преступления: характер воздействия на потерпевших (угроза и её виды, насилие, степень насилия, оружие, орудия, применяемые при совершении преступлений). Угроза причинения вреда здоровью неопределенной тяжести применялась виновными в 1 % случаев, угроза убийством (ст. 119 УК) – 2 %, в 97 % случаев причинялся реальный вред здоровью. По степени тяжести причиненный вред здоровью распределялся следующим образом: побои (ст. 116 УК) – 53 %, легкий вред (ст. 115 УК) – 30 %, средней тяжести (ст. 112 УК) – 11 %, тяжкий (ст. 111 УК) – 3 %. При совершении преступления в 4 % случаев виновные применяли холодное оружие (ножи), в 20 % - иные предметы, используемые в качестве оружия. В работе приведены многочисленные примеры, когда неправильное решение вопроса об отнесении причиненного вреда здоровью к «насилию, не опасному для жизни и здоровья», влекло осуждение виновного не за особо тяжкое преступление, а преступление средней тяжести. Поэтому в редакции всех частей ст. 321 УК РФ целесообразно конкретизировать возможную степень вреда здоровью с учетом законодательного определения.

Анализ редакции диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 321 УК РФ, а также содержания объективной стороны составов преступления, судебной практики позволил сделать следующие выводы:

- законодатель довольно своеобразно сформулировал диспозиции ч. 1 и ч. 2 ст. 321 УК РФ, где, по сути дела, речь идет о двух самостоятельных составах преступления: *первый состав* – это применение насилия, не опасного для жизни и здоровья (т. е. состав по конструкции материальный), *второй* - угроза применения насилия, не опасного для жизни и здоровья (формальный);

- в соответствии с пунктом 9 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, насилие, не опасное для жизни и здоровья – это поверхностные повреждения, в том числе ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности (эти повреждения подпадают под признаки ст. 116 УК – «Побои»);

- содержание угрозы в преступлении, предусмотренном ст. 321 УК РФ, заключается в угрозе применения насилия, характер и степень опасности ко-

торого закон не указывает. Автор предлагает ограничить содержание возможной угрозы, предусмотрев ответственность только за *угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью*;

- формулировка диспозиции ч. 1 ст. 321 УК РФ, включающая в содержание состава преступления применение насилия или угрозу применения насилия к осужденному за оказание им содействия администрации *учреждения или органа уголовно-исполнительной системы*, явно не согласована с содержанием ч. 14 ст. 16 УИК РФ «Учреждения и органы, исполняющие наказание» в редакции Федерального закона от 9 января 2006 г. № 12-ФЗ. Эта норма относит к *учреждениям и органам*, составляющим уголовно-исполнительную систему, и те, которые исполняют наказание без лишения свободы;

- угроза применения или реальное применение насилия со стороны виновного должны осуществляться в ответ на законные действия сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей, иных органов, исполняющих уголовное наказание.

Четвертый параграф *«Проблемные вопросы содержания субъективной стороны и понятия субъекта состава дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»* посвящен, прежде всего, характеристике обязательных признаков субъективной стороны: вины и специальной цели или мотива применения насилия или угрозы его применения в отношении потерпевших. Так, по ч.1 ст.321 УК РФ *целью* является стремление виновного воспрепятствовать исправлению осужденного, а *мотивом* - месть за оказанное осужденным содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы. Совершение соответствующих действий по отношению к осужденному по другим мотивам (на почве ссор, личных взаимоотношений и т.д.) влечет квалификацию по статьям о преступлениях против личности. В ч. 2 ст. 321 УК РФ законодатель установил, что *целью* совершения осужденным общественно опасных деяний является воспрепятствование осуществлению служебных обязанностей сотрудникам места лишения свободы или места содержания под стражей либо *месть* за выполнение ими таких обязанностей. Автор отмечает, что 12 % изученных уголовных дел рассматривались в кассационном порядке судебными коллегиями Верховного Суда РФ, краевых и областных судов в связи с неверной оценкой содержания субъективной стороны данного состава преступления. Это обстоятельство является дополнительным аргументом о необходимости приня-

тия постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам о преступлениях, направленных на дезорганизацию деятельности исправительных учреждений.

Понятие субъекта данных преступлений, как вытекает из анализа содержания диспозиции всех частей ст. 321 УК РФ, нормативно не определено. Поэтому в литературе высказаны неоднозначные мнения. Одни авторы полагают, что речь идет о специальном субъекте данных преступлений, т. е. осужденном (проф. В. С. Комиссаров), по мнению других – возможен и общий субъект (проф. А. В. Кладков, Ю. Власов). Автор соглашается со вторым мнением, приводя при этом результаты изучения практики: в 95 % случаев субъектами исследуемых преступлений выступали лица, отбывающие наказание либо находящиеся в следственном изоляторе, а в 5 % случаев - это были соучастники, находящиеся на свободе. Кроме того, в работе сформулирован вывод, что целесообразно расширить круг субъектов данного вида преступлений из числа специальных, ими могут быть лица, осужденные судом к любому виду уголовного наказания, а не только к лишению свободы.

Третья глава **«Квалифицирующие признаки дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, и их влияние на дифференциацию уголовной ответственности за это преступление»** включает два параграфа. В первом *«Проблемы построения квалифицированных составов дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: дискуссионные аспекты и законодательные перспективы»* рассмотрены дискуссионные аспекты характеристики квалифицированных составов исследуемых преступлений. В ч. 3 ст. 321 УК РФ законодатель включил два квалифицирующих признака: совершение деяний, предусмотренных частями первой и второй данной статьи, *организованной группой* либо с применением *насилия, опасного для жизни и здоровья*. Данный подход к конструированию квалифицированных составов с позиций сегодняшнего дня автор оценивает как не совсем отвечающий сложившимся реалиям. Выборочное изучение уголовных дел показало, что 36 % осужденных по ст. 321 УК РФ совершали преступления в группе лиц по предварительному сговору, 31 % - в составе организованной группы и лишь 33 % - единолично. Акции группового неповиновения в исправительных колониях получили широкое распространение. Законодатель по непонятным причинам не посчитал факт совершения данных деяний *по предварительному сговору группой лиц* обстоятельством, повышающим степень их общественной опас-

ности. При рассмотрении специфики механизма преступного поведения в условиях функционирования исправительного учреждения обращено внимание на следующий момент. С практической точки зрения существование организованной группы в колонии затруднено, так как официальный контроль, осуществление оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 84 УИК РФ позволяют получать необходимую информацию о группах, преследующих цель совершения правонарушений. Поэтому выявление и нейтрализация таких групп возможна на более ранней стадии, что не позволяет им, как правило, перерасти в организованную группу. В то же время существование групп лиц по предварительному сговору вполне реально, что и подтверждает изучение судебной практики. В связи с этим предложено включить в структуру ст. 321 УК РФ, наряду с организованной группой, квалифицированный состав по признаку - совершение *группой лиц по предварительному сговору*.

Второй квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 3 ст. 321 УК, то есть «насилие, опасное для жизни и здоровья», включает в себя широкий диапазон последствий в виде вреда здоровью, существенно отличающихся по степени общественной опасности. Это, несомненно, должно быть учтено при дифференциации уголовной ответственности. Рассматриваемый квалифицирующий признак встречался почти в 50 % изученных автором уголовных дел. Отмечено, что именно с рассматриваемым квалифицирующим признаком связано наибольшее количество ошибок при квалификации. Все это свидетельствует о том, что в структуру ст. 321 УК РФ целесообразно внести коррективы, конкретизировать квалифицированные составы в соответствии с нормативно определенными последствиями для вреда здоровью (легкий, средней тяжести, тяжкий). С учетом новых Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, и Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, предложен новый подход к дифференциации уголовной ответственности за исследуемый вид преступлений.

В работе также отмечено, что более 50 % насильственных посягательств были направлены против не одного лица, а нескольких сотрудников или осужденных, а равно тех и других вместе, что значительно повышает степень общественной опасности исследуемых преступлений. С учетом их значительной распространенности и опасности для деятельности исправи-

тельных учреждений целесообразно предусмотреть квалифицирующий признак – *применение насилия в отношении двух и более лиц*.

Второй параграф «*Вопросы дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества*» посвящен анализу проблем дифференциации уголовной ответственности и практики назначения наказания за данный вид преступления. Дифференциация уголовной ответственности, являясь одним из основных направлений уголовно-правовой политики, создаёт необходимые предпосылки для эффективной индивидуализации наказания за совершённое конкретное преступление. В целях определения достаточности пределов санкций всех частей статьи 321 УК РФ для оценки тяжести предусмотренных ею преступлений, изучения особенностей применения их судами автором выборочно проанализирована практика назначения наказания за эти преступления судами разных регионов. При этом было рассмотрено отдельно назначение наказания по ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 321 УК РФ и полученные данные распределены на две группы: 1) наказания, назначенные ближе к минимуму санкции, т. е. ниже её середины, 2) наказания, назначенные ближе к максимуму санкции, т. е. выше её середины. Получены следующие результаты: - по ч. 1 ст. 321 УК ближе к минимуму санкции наказание назначалось в 55 % случаев, по ч. 2 ст. 321 УК - в 23 % случаев, по ч. 3 ст. 321 УК - в 79 % случаев; - ближе к максимуму санкции по ч. 1 ст. 321 УК наказание назначалось в 45 %; по ч. 2 ст. 321 УК - в 77 %; по ч. 3 ст. 321 УК - в 21 %. Наказания, ближе к максимуму санкций, назначалось при установлении в деянии виновного признаков опасного рецидива (8 %) и особо опасного рецидива (4 %). Установленные различия в практике применения пределов санкций частей 1-3 ст. 321 УК РФ обусловлены, по мнению автора, различными обстоятельствами, связанными как с недостатками редакции данной статьи, которые отмечены выше, так и нестабильностью судебной практики, ошибками в квалификации совершенных преступлений, недостаточной объективности судебского усмотрения. Поэтому предложено внести отдельные коррективы в редакцию рассматриваемых статей и уточнению санкций. *Основные предложения законодателю и судебной практике изложены во введении автореферата.*

Заключение содержит краткие итоги проведенного диссертационного исследования, основные положения и выводы, сделанные автором на основе изучения законодательства, теории уголовного права и судебной практики.

В **приложении** представлена программа изучения уголовного дела, возбужденного по факту дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), с обобщенными данными.

По теме диссертации опубликованы следующие работы автора:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Казмирова О.А. (Демина О.А.)* Насилие как квалифицирующий признак и его роль в построении санкций ч. 1-3 ст. 321 УК РФ //Российский следователь. 2007. № 22. С. 36 - 38. (0, 3 п. л.)

2. *Казмирова О.А. (Демина О.А.)* Проблемы дифференциации уголовной ответственности за действия, посягающие на деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) //Общество и право. 2007. № 4. С. 134-142. (0, 9 п. л.)

В иных научных изданиях и журналах:

3. *Казмирова О.А. (Демина О.А.)* Правовые и теоретические предпосылки реконструкции ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» //Научный вестник Южного федерального округа.2007. № 3. 20-28. (0, 9 п. л.)

4. *Демина О.А.* К понятию потерпевшего в составе дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества //Российское общество: цивилизационные горизонты трансформации. Материалы международной научно-практической конференции 7 декабря 2007 г. Саратов, 2008, С. 241-244, (0, 2 п. л.)

5. *Демина О.А.* Проблемы дифференциации уголовной ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества //Научный вестник Южного федерального округа.2008. № 3. С. 64-67. (0, 5 п. л.)